

Гагарин

В тот день уроки тянулись особенно медленно. Капель за окном звенела, ударяясь о карнизы, солнце яркими пятнами разлилось на полу и на партах, а конца урока всё не было.

Юрка уже истомился в ожидании звонка. Да и все, наверное, тоже.

Нина Владимировна, поворачиваясь спиной то к классу, то к доске, что-то объясняла. Её голос вызывал уныние. Вдруг она замолчала, посмотрела на Юрку и раздражённо произнесла:

— Повтори, что я сказала.

Он, думая, что это касается кого-то ещё, а не его, никак не среагировал на её слова.

Она вдруг нависла над ним и разгневанно сказала:

— Я к тебе обращаюсь.

Юрка встал, осознавая, что сейчас разозлившаяся Нина Владимировна запросто может вклеить двойку. А вечером за это достанется от отца. И ему стало грустно. Он опустил голову и ждал, когда она, повернувшись к нему спиной, стуча каблуками, пойдёт к доске, бросив на ходу: «Садись, два». И каждый в классе про себя облегчённо вздохнёт, что не их коснулось невезенье, а Юрку...

Он медленно стал садиться, ожидая страшных слов, как неожиданно, скрипнув, приоткрылась дверь, и уборщица в синем застиранном халате на цыпочках подошла к Нине Владимировне. Та замерла удивлённо и строго посмотрела на вошедшую.

Просто так зайти в класс во время урока мог только директор, а больше никто. Класс затих и наострил уши.

Уборщица говорила громко, даже когда шептала, и всегда оправдывалась: «А что я могу поделать? Голос у меня такой».

Вот и сейчас весь класс услышал:

— Человек полетел.

— Куда? — не поняла Нина Владимировна.

— Туда, — показала уборщица пальцем в потолок.

Нина Владимировна посмотрела на потолок, потом на уборщицу.

Её лицо покрылось красными пятнами, так с ней было всегда, когда сильно волновалась.

— Гагарин, — выдохнула распиравшую её новость уборщица.

Наступила невообразимая тишина. Нина Владимировна попеременно смотрела то на класс, то на уборщицу.

И вдруг замерший класс взорвался, а следом и вся школа.

— Ура! — вырвалось из всех окон.

Крик стоял такой, словно объявили незапланированные каникулы.

Директор, понимая, что уроки сорваны, всех отпустил по домам.

Юрка, счастливый, мчался по улицам, и хотелось каждому встречному рассказать об этом событии, словно только он один знал, что произошло, но встречавшиеся люди улыбались, и по их улыбкам он понимал, что им тоже всё известно.

Он так спешил, что поскользнулся, растянулся, вскочил и, не отряхиваясь, помчался дальше.

Бабушка, наверное, и не подозревает об этом событии. Ему хотелось первому поделиться светлой новостью с ней. Влетев в дом, с порога закрычал:

— Ба, ты слышала, слышала?..

Но она посмотрела на него и даже не улыбнулась. Не улыбнулась, словно ничего не хотела знать о том, что произошло.

Юрку это обидело, и он, указывая пальцем вверх, стал кричать ей так, словно она глухая:

— Вон Гагарин, Гагарин в космосе, и Бог его оттуда не скинул, не скинул.

Юрка прыгал перед ней, осознавая своё превосходство.

Она отвернулась и ушла в другую комнату, там села на кровать и стала смотреть в одну точку, не желая разделить всеобщую радость. Что творилось в её душе?

Юрка несколько раз прошёл перед ней туда-сюда, но она словно не замечала его. Ему стало жаль её. Он сел рядом и, прижавшись к ней, тихо позвал:

— Ба...

Она словно очнулась и сказала сама себе:

— Что это я?

Быстро пошла на кухню, и пока Юрка снимал форму и переодевался во что-нибудь стоящее для улицы, тарелка с супом стояла на столе и испускала приятный аромат.

Он ел и думал, что утром она не будет молиться. Раз Гагарин полетел, значит, Бога нет.

Но она как ни в чём не бывало скрипнула дверцами серванта. Ему показалось, что молится она взволнованно, словно борясь с кем то. Или ему так показалось.

Они помирились. Космос был сам по себе, а бабушка и Бог—сами по себе. Так продолжалось долгое время.

Уже другой человек побывал в космосе, за ним ещё и ещё. Это радовало, но уже не как первый полёт.

Неожиданно город облетела новость: Гагарин приезжает.

Все побежали смотреть на него как на чудо. Даже Юрка, а с ним ещё полкласса удрали из школы. Такое событие пропустить нельзя, а выволочку от отца можно и потерпеть ради такого.

Долго раздумывала, идти или нет. Собралась и пошла.

Народу вокруг него—не подступиться. И она бы так толком и не разглядела его, но Гагарин неожиданно направился в её сторону. Народ отхлынул, освобождая ему дорогу, а она замешкалась и не успела. Он улыбнулся и обошёл её.

Она тоже, хоть и с запозданием, улыбнулась и подумала: не мог Бог погубить такого светлого человека с искрящимися глазами. Не мог.

Все поспешили за ним, она осталась стоять одна. А потом, словно опомнившись, пошла домой. На душе её было легко.

Бог любит всех: и Гагарина, и Юрку, и её, и даже Юркиного беспутного отца.

Примчавшегося внука усадила обедать, села у окна и радостно смотрела на улицу. А Юрка торопливо ел и, не переставая, повторял:

— Ба, а я Гагарина видел. Гагарина!

Она ничего не ответила, а улыбнулась. И Юрка улыбнулся.

Он заметил перемену в ней, но не удивился, а быстрее переоделся и умчался гулять.

Школа хоть и продолжала мучить Юрку, но он как-то приспособился. Может, и другие в его классе приспособились и только делали вид, что им нравится учиться.

Прошло сколько-то лет. Юрка вырос и, как бабушка сказала, стал «женихаться». Отношения между ними хоть и были тёплыми, но уже не те, когда Юрка был маленький. И про Бога он не вспоминал. Нет Бога, и всё тут.

Но бабушка каждое утро, скрипнув дверцами серванта, со вздохом опускалась на больные колени и молилась.

Юрку это раздражало. Но за завтраком он успокаивался, ел и думал: раз Гагарин там побывал и Бог его оттуда не скинул, значит, и вправду Бога нет.

В тот день он нехотя оделся. Кому охота идти в школу? А куда денешься—надо.

День был пасмурный, первой была математика, а домашку он не делал, надеясь списать. Правда, времени до начала урока мало, но если постараться, то можно успеть. Но не он один такой мудрый, охотников до списывания в классе хватает. Юрке повезло, он успел до того момента, когда в класс вошла математичка.

Уроки тянулись медленно, и казалось—не будет им конца. На большой перемене всех ошарашила новость. Пришла она из учительской. Математичка вышла оттуда в слезах.

Все недоумевали: что могло случиться?

Она прижала ладони к лицу, убрала их и сказала сквозь слёзы:

— Гагарин погиб.

Новость поразила всех. Мир бы рухнул—и никто бы так не огорчился.

Юрка шёл из школы как побитый. Нет, он не плакал, но уж лучше б отреветься и успокоиться.

Бабушка не вышла его встречать. Сидела на кухне, за столом, перед раскрытой, с мокрым пятном, газетой и смотрела в окно. Он подошёл и обнял её. Она сказала ему так, словно он не знал эту новость:

— Гагарин... — проглотила ком, стоявший в горле, и добавила: — погиб!

И её слезы закапали на газету. И Юрка заплакал вместе с ней, и его слёзы падали на газету.

И страна, и весь мир плакали вместе с ними.

Карамель

Папа всегда одной рукой прижимал к себе, другой гладил по голове и нежно говорил:

— Ты—моя красавица.

Мама расчёсывала волосы, одевала, подводила к зеркалу и повторяла за папой:

— Какая ты красивая!

Она верила им. Но другие дети смеялись над ней, и от этого закрадывались сомнения. Мама утешала её, говоря:

— Не обращай внимания. Они завидуют. Ты же красавица.

А папа советовал:

— А ты с ними не дружись.

Она так и делала.

Но в школе всё оказалось совсем по-другому. За холодность и отчуждённость её прозвали Селёдкой. Она ничего не сказала ни папе, ни маме. И благополучно прожила с этим именем десять лет. Первый настоящий поцелуй она ощутила на своих губах на выпускном. Этого не случилось бы, не выпей она шампанского. Так бы и простояла у стены весь вечер. Он подошёл и взял её за руку. Он—это ни рыба ни мясо. Парень, у которого нет ни имени, ни фамилии, а только кличка—Кашей. Они танцевали, а когда погас свет...

У поцелуя, оказывается, есть вкус—вкус карамели. Всё дремавшее в ней проснулось в одно

мгновенье. Но даже пальцам, лежавшим на его плече, не позволила шелохнуться.

«Хорошо, что погас свет», — подумала она, вернувшись на своё место.

Её лицо оставалось спокойным, а сердце ждало продолжения, но продолжения не последовало. Кащей куда-то пропал. Она постояла, потом прогулялась по школьным коридорам. Его нигде не было.

Школа закончилась, когда с аттестатом в руках она вышла на улицу.

Папа был рад; обняв её, сказал волшебные слова:

— Ты — моя красавица.

Потом был институт. Приходила, старательно записывала все лекции, изредка смотрела, как сокурсницы стреляют глазками по парням. За глаза её прозвали Синим чулком, но так как она всегда вырочала конспектами, вслух так не говорили.

На работе она познакомилась с парнем. И, сама того не желая, влюбилась. Чем-то он напоминал папу. Она даже помечтала, как выйдет за него замуж, но он был женат, и у него был ребёнок. Их встречи продолжались долго. Но однажды она поняла, что уже ничего не произойдёт.

Папа умер, не успев сказать волшебных слов. Она перешла на другую работу. Как-то вечером она встретила Кащея. Вдруг ясно вспомнился выпускной, танец, поцелуй, ожидание...

Как будто кто-то голосом отца произнёс волшебные слова: «Ты — моя красавица».

От Кащея шёл запах карамели. Она даже приостановилась. Ещё секунда — и они столкнутся нос в нос...

Он не узнал её и прошёл мимо...

Счёт

День не задался. Зинаида из соседнего отдела — та ещё дамочка: стервозная, крикливая и злопамятная, — свалила свой промах на Антона. Шеф не стал разбираться, спустил на него всех собак. Попытка оправдаться только сильнее раскалила ситуацию. Воздух стал такой — хоть ножом режь.

Антон вышел из кабинета как оплётанный, от обиды хотелось выть. Вернулся, сел на своё место и упал головой на клавиатуру. Собрать бы манатки и уйти. А как? До конца работы ещё час. Целый час.

Поднял голову — часы на стене еле шевелились. Их механизм, казалось, умирал, и стрелки в предсмертной агонии дрожали. Каждая секунда тянулась как минута.

Пробежал глазами по столу, словно на нём что-то должно за его отсутствие измениться. Потом на экран и опять на часы.

В голове крутились идеи, как отомстить этой размалёванной нервной гадине. Отомстить так,

чтоб и духу её в конторе не осталось. Но в голову ничего не лезло. Вышла, наверное, от шефа и злорадно улыбнулась. Есть в ней такое: делает подлость, ходит и радуется.

В общем, день не задался. А с чего бы ему задаться? Декабрь, Новый год на носу, а на улицах — ни снежинки. И солнце на два месяца забыло не город, не область, а целую страну. И тоска скользила в каждом взгляде, словно на всех лежала вина в этой серости и безысходности. Даже пузатые ядовито-зелёные ёлки, торчавшие у входа с непонятно какого цвета шарами, не радовали глаз.

С такой копотью в голове вылетел Антон с работы.

Хотел бежать домой, но мысль о том, что придётся толкаться в переполненном автобусе среди таких же, как он, уставших и раздражённых людей, когда даже обычный вопрос: «Вы выходите?» — вызывал желание послать вопрошавшего куда подальше, остановила его. И он пошёл совсем в другую сторону.

Люди текли навстречу; продираясь сквозь толпу, захотелось куда-нибудь спрятаться, переждать, когда поток схлынет, и неторопливо пойти на остановку. Спокойно забраться в полупустой автобус; привалившись к окну, закрыть глаза и ехать домой, пока механический голос не объявит: «Следующая остановка...»

Но люди шли и шли. И казалось, не будет конца этому движению. Кто-то, идущий навстречу, толкнул. И до него донеслось:

— Извините.

Оглянулся, но только серые спины, качаясь из стороны в сторону, удалялись от него. Повернул голову, и взгляд зацепил стоявшего за стеклом высокого ватного Деда Мороза и рядом коричневую доску. Пролетел бы мимо, но слова «борщ со сметаной» остановили. Вернулся назад.

Стеклопанельная дверь как бы сама собой распахнулась. Швейцар, оценив взглядом входящего, с безразличием пропустил мимо себя. В зале тихо, тепло и почти безлюдно.

Сел перед окном и с безразличием смотрел на улицу. А люди текли, текли. И не было им конца.

Официант долго не появлялся, и это стало раздражать. Наконец положил перед ним меню и замер в ожидании.

Антон подержал в руках папку, словно проверяя её на вес, и сказал, не открывая:

— Борщ.

— Борщ, — повторил за ним официант, то ли спрашивая, то ли для того, чтобы отложить в своей памяти.

Постоял, ожидая продолжения заказа, нависая над Антоном. Тот не выдержал этого томления и, махнув ладонью, сказал:

— Водочки грамм сто и лимончика.

Официант беззвучно удалился.

За окном поток стал редеть. И люди уже не торопились мчаться домой, а шли, поглядывая по сторонам, словно решая, чем бы себя занять.

Водка была холодной, влилась легко, и тепло пробежало по всему телу. Долька лимона заставила сморщиться, закрыл глаза. А когда открыл, перед ним стоял борщ.

Вкус был изумительный. После пятой ложки на душе стало хорошо. Обиды на Зинаиду и шефа то ли пропали совсем, то ли спрятались до завтрашнего утра.

Откинулся на спинку и посмотрел в окно. Народ пропал, словно все разбрелись по домам или так же, как он, сидят и умиротворённо радуются где-нибудь за столом.

По улице шёл мальчик, вдруг остановился и посмотрел на него. Толстая вязаная шапка закрывала лоб. Куртка великовата, а ладони, наверное, за неимением перчаток, спрятались в рукава.

Антону стало жаль этого маленького человечка, как час назад было жаль себя. Поднялся, выскочил на улицу, взял за рукав и потащил за собой. Тот не сопротивлялся. Швейцар дёрнулся было перекрыть дорогу, но почему-то пропустил их.

Помог мальчику снять куртку и, взяв меню у неожиданно появившегося официанта, протянул со словами:

— На, выбирай.

Тот долго перелистывал страницы, словно искал что-то необычное и экзотическое. Антон уже подумал, что мальчишка закажет такое, что платить

придётся по полной. Но тот закрыл меню и, отдавая замершему официанту, сказал:

— Котлету по-пожарски и рис.

— И сок принесите. Апельсиновый.

Заказ ждали недолго; мальчик смотрел в окно так, словно он бывал в этом ресторане каждый день и всё вокруг ему неинтересно.

Пока тот расправлялся с котлетой, Антон смотрел на него и не мог понять, почему поступил так.

Но котлета съедена, сок выпит, и Антон спросил: — Ещё хочешь?

— Нет, спасибо.

Слегка улыбнулся, посмотрел в окно, оделся и ушёл.

Антон позвал официанта и сказал:

— Счёт, пожалуйста.

И пока тот ходил, достал бумажник и, постукивая им по столу, смотрел в окно.

Маленькая коричневая папочка легла на стол. То, что счёт был написан от руки, не удивило, но отсутствие цифр вызвало недоумение. Посмотрел на официанта, потом на бумажку и снова на официанта.

Не заметил, как из кухни выглянул повар, а два других официанта замерли и смотрели на него, ожидая чего-то необыкновенного. Наконец Антон сообразил, что это записка, и, шевеля губами, стал читать:

«Уважаемый клиент, мы не берём денег за доброту. Всегда будем рады видеть Вас нашим гостем. С наступающим Новым годом!»